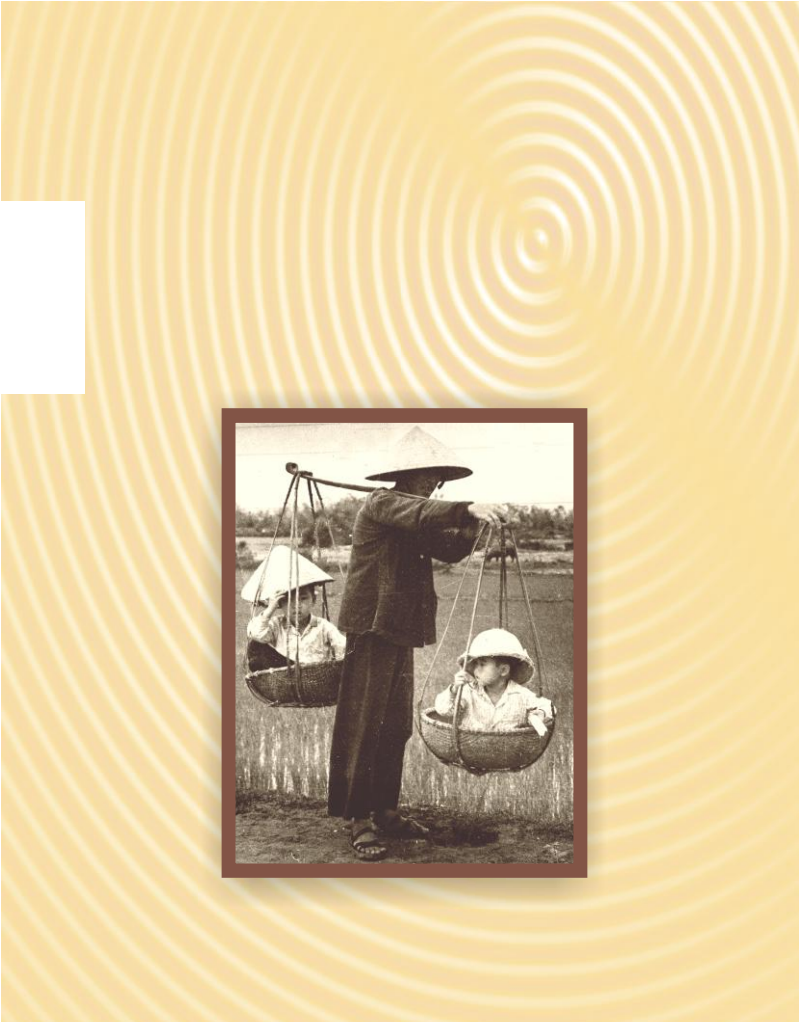

А ГОДЫ ЛЕТЯТ

2007

Родным, близким и Вьетнаму посвящается

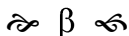
Лучи прожекторов, словно кинжалы, кромсают глыбу ночного неба над Киевом. Войска противовоздушной обороны отражают налёт фашисткой авиации. Бьют зенитки. Этот кадр, будто в кино, оживает вновь и вновь в памяти. Это было уже после освобождения украинской столицы, куда наша семья – мама, сестра Кира и я – вернулись после трехлетней эвакуации. Отец погиб на фронте.

С теплотой вспоминаю интернат, в который меня приняли в 1946 году, поскольку мама была инвалидом.

... Улица Артема, 44. Здесь мой новый дом. Рядом пленные немцы строили особняк для четы украинских писателей. Один из рабочих неплохо играл на губной гармошке. Кое-кто из них просил: «Brot! Brot!». Но с хлебом у нас в школе были проблемы. В 1947 году отменили хлебные карточки, но всё равно было голодно. В столовую ходили в две смены. И надо было управиться с едой в считанные минуты. Эта привычка, к сожалению, осталась у меня на всю жизнь.

В те годы воспитательницей у нас была Александра Владимировна. Она следила за тем, чтобы мы после обеда

сделали все уроки. Однажды она размечталась: «Вот выиграю в лотерею деньги, ребята, куплю вам сто граммов кильки... каждому».

Учиться было интересно. Масса предметов. Отличные преподаватели. Старался получать «пятерки», понимая, что это будет приятно маме и сестре.

Украинский, русский, английский языки – в каждом из них своя мелодия, свои тонкости. Шевченко, Франко, Пушкин, Гоголь, Шекспир, Диккенс... Перед нами открывался мир отечественной и мировой культуры. Ходили в театры, музеи.

В авиамодельном кружке смастерил свой первый самолёт, назвал его «Романтика» и отправил в свободный полёт. Он продержался в воздухе довольно долго и приземлился у далёкого каштана. Я был счастлив.

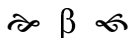
Литературный кружок в старших классах. В одном из рассказов я описал поездку с сестрой на Урал к родственникам её мужа. Природа там изумительна! Я восторгался пейзажами. Но меня огорчило (именно так я писал) то, что увидел там линию электропередачи. А мне ведь хотелось побывать в настоящей глуши...

Писал стихи. Кажется, тогда родились строчки о Большой Медведице: «Ковшом зачерпну семизвёздным прохладную синь небес...».

Люблю украинские песни, особенно «Рідна мати моя...».

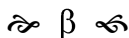
Увлекался шахматами.

В школе я впервые услышал о героической борьбе вьетнамского народа и, конечно, не мог предположить, что свяжу свою жизнь с этой прекрасной страной.

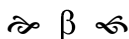

1953 год. Мартовским утром нас разбудило траурное сообщение: умер Сталин. Некоторые взрослые плакали, мы были растеряны. Сменяя друг друга, пионеры и комсомольцы стояли в карауле у бюста вождя. Один парень упал без сознания.

Спустя годы, я многое понял...

В классе одно время установились своеобразные порядки. Вдруг объявился самозванный «царь» (фамилию его называть не буду). У него тут же возникли «опричники», которые собирали всяческую дань и наказывали неугодных. Назревал протест. Постепенно образовалась группа «декабристов». Мы проводили тайные встречи, возмущались деспотическим режимом. И час возмездия настал! Ровно в полночь в спальне вспыхнуло восстание. Не буду излагать подробности, но «царь» был свергнут...

Утром нас выводили во двор на зарядку. Мы делали разные упражнения, бегали вокруг школы.

Спорт у нас был в почёте. Занимались в зале. Делали кульбиты, прыгали через «коня». Ощущение такое, что куда-то летишь.

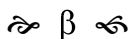
Во дворе была волейбольная площадка, турник, яма с песком для прыжков. Играли в футбол. Штангами ворот служили два больших дуба. Я тренировался бить по мячу. Потом нашей команде выдали настоящие бутсы. Отпускали с уроков, чтобы мы могли потренироваться перед районным первенством.

В решающем матче мне доверили исполнить пенальти. Как сейчас помню, врезал гол, но судья его не засчитал, оказывается, я пробил без свистка. Пришлось бить во второй раз. Нога у меня подвернулась, и я лишь толкнул мяч. В ту же секунду вратарь решил, что я пробью в левый угол, и бросился в том направлении. А мяч катился в противоположный угол. К счастью для нашей команды, голкипер не успел перехватить его...

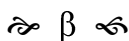
...Зимой мы заливали каток во дворе. Коньки привязывали верёвками к ботинкам и катились в своё удовольствие. Морозный воздух, радостные вопли, когда кто-то падал...

Были ещё лыжи. Мы гоняли по периметру двора, иногда выходили к оврагу у Покровского монастыря: крутые горки, аж дух захватывало! А если мчаться по ложбине вниз, то выскакиваешь прямо на трамвайный путь...

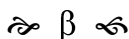
Конечно, мы строили снежные крепости и брали их штурмом...

Помню, как в разные годы мы отшагивали вокруг школы не одну версту, исполняя бодрую песню: «Взвейтесь, соколы, орлами, полно горе горевать, то ли дело под шатрами в поле лагерем стоять...».

Летом 1956 года был устроен выпускной бал. Торжественный и грустный. Получил золотую медаль. Выпили по стакану шампанского. Гурьбой пошли на Днепровскую кручу. Близилось утро. Небо распахнуло нам свои объятия. Вставало солнце. Перед нами открывался горизонт взрослой жизни.

Июль 1956 года.

Поезд приближался к Москве. О чём думалось в тот час? Да о многом. Вспоминал напутственные слова мамы. Она очень переживала, ведь я один-одинешенек отправлялся в неизведанный путь. Мне хотелось поступить в Московский Государственный институт международных отношений, хотя в Киеве мне предлагали заниматься в Политехническом.

На вокзале меня встретили сестра Кира и её муж Павел. Они жили в Подмосковье: он работал переводчиком французского и итальянского языков в военном центре радиоперехвата. А Кира преподавала русский язык и литературу в местной школе.

Как раз в тот год открыл свои двери Институт восточных языков при МГУ. Мне как медалисту нужно было сдать экзамены по английскому языку (устный и письменный). Никаких проблем не возникло. Для себя я избрал Вьетнам с его ореолом героической борьбы.

... Институт на Моховой. Лабиринт коридоров. Маленькие аудитории. Но здесь было много света, света знаний.

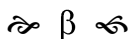
Вьетнамский язык музыкален. В нём шесть тонов. Например, слово «ма» в зависимости от тональности и контекста имеет свыше десяти значений: призрак, щека, матушка, рассада риса, покрывать слоем металла, хулить, лошадь, внешность, мишура, могила, шифр, ярд... Всю эту премудрость нам открывала Антонина Николаевна Барина.

Лингвистика, история, культура, литература, искусство Вьетнама – как всё это неожиданно и интересно! Вьетнам с его многовековой цивилизацией потрясал. С благодарностью вспоминаю уроки Мариана Николаевича Ткачева, Деги Витальевича Деопика, Николая Ивановича Никулина...

Особенно нравился оригинальный метод Марика, как мы называли про себя Ткачева. Он был ненамного старше нас. Занятия он проводил в институтском буфете. Пирожок стоил 5 копеек. Запивали чаем. Марик был необыкновенным рассказчиком. Он знакомил нас не только с вьетнамской, но и с мировой литературой. Глубина его познаний поражала. Причём он облакал свою речь в тонкую юмористическую окраску, так что я иногда буквально захлёбывался от смеха. За свою творческую жизнь Ткачев блестяще перевёл на русский язык многотомное собрание сочинений вьетнамских писателей.

Предметов было много. Мы получали университетское образование плюс знания о Востоке. Нравилась уроки французского языка.

В нашей группе занимались Евгений Кобелев, Владимир Афонин (мой однофамилец), Анатолий Зайцев, Оксана Новикова, Марина Рафальская. У каждого из них сложилась своя судьба, они пошли по разным дорогам, но все мы благодарны ИВЯ за неповторимые годы студенчества.

... За период учебы в ИВЯ я жил в трёх университетских общежитиях – на Стромынке, на 5-ой Черемушкинской и в главном здании МГУ на Ленинских горах. Ребята подобрались хоть куда – из разных весей страны, со своими характерами, заботами, амбициями. Питались мы очень

скромно, едва сводя концы с концами. По ночам я работал на хладокомбинате, где получал живые деньги и завтрак. А потом шёл на занятия...

В нашей комнате всегда разгорались споры на самые различные темы. Читали стихи. Слушали пластинки с записью музыки Чайковского, Рахманинова, Моцарта. Как-то пошёл с сокурсницей в консерваторию на вечер Баха. Обратил внимание, что моя знакомая закрыла глаза. Я легонько толкнул её, мол, не спи. «Не мешай слушать музыку», – ответила она.

Девушек с разных факультетов было немало. В общежитиях происходили такие встречи, что забыть их просто невозможно. Влюблённость влекла и увлекала, словно бурный поток, потом успокаивалась, замирала. И вдруг новый поворот, и река желаний прокладывала новое русло...

Помню романтические вечера, когда мы с девушками по ночам ходили на каток стадиона «Труд». Летом купались в пруду в Сокольниках. В спортивном лагере на Учинском водохранилище жили в палатках и до утра катались на лодках. В студенческом лагере в Анапе мне удалось спасти тонущую в море подругу.

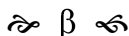
Да разве всё вспомнишь!

Но главным увлечением были шахматы и рыбалка. Вместе с Женей Кобелевым и Володей Надашкевичем мы сыграли немало сотен партий и выловили, наверное, тонну

рыбы. Но статистика здесь не при чём. Ведь это настоящий азарт и вдохновение! Ещё мы увлекались карточной игрой и зачастую расписывали «пульку».

А сколько было спортивных увлечений! Лёгкая атлетика, пинг-понг, стрельба, волейбол. Кстати, я был чемпионом МГУ по троеборью (бег, стрельба, метание гранаты).

На Стромынке впервые сел на велосипед и в той же день поехал. Автомашин тогда было мало и можно было свободно покататься по набережной. Уставшие, мы подъезжали к бочке с квасом и одним махом выпивали по 4–5 кружек. Но главное, конечно же, были накапливающиеся знания о Вьетнаме.

... В сезон дождей, когда разверзается небо и на землю Вьетнама обрушиваются тропические ливни, возникает ощущение чего-то сверхъестественного. Стремительно поднимается уровень воды в реках. Взбухая, они вырываются из берегов, сокрушая все на своем пути. Так испокон веков повелось в этой стране, народ который хорошо знает, что такое стихийные бедствия. Борьба с ними и их последствиями отнимает немало энергии, но вьетнамцы всегда доказывали, что любовь к жизни превыше всего.

Истоки этих жизненных сил уходят в далекое прошлое. Об этом и повествуют древние сказания Вьетнама.

... У последнего их королей Хунгов, потомка Дракона и Феи, была красавица дочь. Ее руки просили Дух гор и Дух вод, и король пообещал отдать её тому, кто первым преподнесёт свадебные подарки. Дух гор опередил соперника. Его дары были необыкновенными – слон с девятью бивнями, петух в девятью шпорами, лошадь с девятью гривами. Он увёз принцессу в горы. Разгневался Дух вод, разбушевался и вздыбил волны. Но чем выше поднималась вода, тем быстрее росли горы. На помощь людям вышли слоны, буйволы, иные животные. Стихия была усмирена.

Духа гор вьетнамцы считают своим заступником, он первый в национальном пантеоне Бессмертных.

А династия королей Хунгов, согласно преданиям, возникла так: жили на свете мужественный Лак Лонг Куан – повелитель драконов и прекрасная фея Ау Ко.

Эта супружеская чета и стала первопредками вьетнамцев. В их волшебном мешке появилось сразу ни много ни мало, а сто яиц, из которых и родились сто сыновей. Но вот однажды муж сказал жене: «Я принадлежу к роду драконов, ты – к роду фей, нам нужно расстаться». Взял Лак Лонг Куан пятьдесят сыновей и ушел с ними к морю. Остальные дети ушли с матерью в горы. Подчинив себе прибрежные равнины, повелитель драконов посадил на

престол одного из своих сыновей, который и основал династию королей Хунгов. Произошло это, как говорят во Вьетнаме, в начале третьего тысячелетия до нашей эры.

Хунги – святое для вьетнамцев имя, которое передается из поколения в поколение. Уже в наше время первый президент независимого Вьетнама Хо Ши Мин говорил, обращаясь к соотечественникам: «Правителям Хунгам принадлежит заслуга в создании страны, наша с вами задача – совместными усилиями её защитить».

... Когда в старину на Вьетнам напал могущественный враг, к народу с призывом обратился король: нужно срочно собрать храброе и сильное пополнение армии. Прискакал гонец в деревушку Фу Донг, что до сих пор стоит на реке Дуонг, близ Ханоя.

У бедной женщины из этой деревни был единственный сын, да и то какой там воин – лежал больной несколько лет, не вставая, и никто никогда не слышал от него ни слова. «Так есть у вас сильные и смелые люди, готовые встать на защиту священной земли предков?» – воскликнул гонец. Старики и старухи сокрушенно вздыхали, уже вся молодежь давно ушла в армию.

«Есть!» – неожиданно послышалось в ответ. Мать даже всплеснула от удивления руками, видя, что её сын Зонг пробует подняться на ноги.

Юноша встал, съел за один присест семь корзин риса, три корзины баклажанов, выпил полреки и сразу вырос в богатыря.

«Дайте мне железного коня и меч размером вон с ту пальму!» – потребовал Зонг.

Триста артелей кузнецов срочно взялись за дело и вскоре десять раз по десять тысяч слонов и лошадей доставили в Фу Донг железного коня и гигантский меч. Юноша вскочил на верного скакуна, из ноздрей которого вырывалось пламя, взял грозное оружие и на прощанье крикнул: «Я вернусь, мама!».

И долго еще было слышно, как где-то далеко стучат копыта его коня. Враг был разбит, и во Вьетнам вернулся мир. А в народе героя называют святой Зонг или богатырь Фу Донг.

«Когда враг на пороге, в бой вступают и женщины», – гласит вьетнамская поговорка. И это не просто слова. В летописи Вьетнама действительно немало ратных подвигов, совершенных представительницами «слабого пола».

Давайте познакомимся с сестрами Чынг Чак и Чынг Ни и их боевыми подругами, жившими во Вьетнаме в 1 веке н.э.

... В ту пору в стране бесчинствовали китайские завоеватели. Они собирали непомерные налоги, которые оплачивались золотом и серебром, жемчугом и другими

драгоценностями. Обрекали вьетнамцев на каторжный труд. Пытались превратить в своих рабынь самых красивых девушек и женщин и жестоко расправлялись с непокорными. В числе казненных был муж Чынг Чак.

Восстание в 40-м году подняли две сестры, и вскоре пламя его охватило всю страну. В течение года было захвачено 65 вражеских укрепленных районов. Решающей стала битва за крепость Луилан.

В том историческом сражении особо отличились военачальницы Бат Нан, Ной, Фыонг Зунг и другие. В повстанцев летели стрелы, песок, камни, металлические копья, дротики, горящие факелы, их обливали горячей известью, но войска Чынг Чак продолжали штурм. И крепость была взята!

Чынг Чак назначила свою сестру заместителем главнокомандующего, присвоила некоторым женщинам звание генерала армии.

Но в 44-м году восстание все же было подавлено. И гордые две сестры покончили с собой.

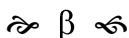
В честь героинь во многих районах страны воздвигнуты поминальные храмы...

Шли века. Борьба не прекращалась. Из исторических хроник известны имена многих из тех, кто шел покорять Вьетнам, и тех, кто руководил сопротивлением. Вьетнамские воины, как принято в таких случаях говорить, покрыли себя неувядаемой славой.

Памятными вехами, решавшими судьбу страны, стали битвы в устье северовьетнамской реки Батьданг. И что самое интересное: вьетнамские полководцы в сраженьях против вражеских морских флотилий – дважды в X веке и в третий раз уже в XIII столетии – применили по сути дела один и тот же тактический приём. Он заключался в том, чтобы в момент прилива заманить корабли противника на один из участков реки, где заранее были установлены колья из «железного» дерева. А когда начинался отлив, корабли застревали в этом частоколе, наконечники пробивали их днища. Затем следовала неотразимая атака вьетнамцев...

Впервые эта новинка была применена талантливым полководцем Нго Куеном в 938 году, когда Вьетнам в результате столь блестящей победы положил конец тысячелетнему господству китайских феодалов.

Спустя 43 года на этой же реке противника разбил другой национальный герой – Ле Хоан.

Весной 1961 года вместе с Оксаной Новиковой меня направили в Ханой на преддипломную практику. Неделю мчались на поезде до границы с Китаем. Вдоволь налюбовался пейзажами Подмосковья, Поволжья, Урала, Сибири... До чего же прекрасна наша страна! Утром, днём и вечером природа, то под лучами солнца, то в дымке, то

под покровом сумерек представлялись в каком-то волшебном сне...

На станции Забайкальск у нас произошёл казус. Таможенники отобрали у нас с Оксаной юани, поскольку в институте нам забыли дать разрешение на провоз китайской валюты. Глотая слюни, добрались до Пекина, где в нашем посольстве пошли нам навстречу и выдали в счёт нашей стипендии деньги на проезд до Ханоя.

Пекин понравился. Огромный город, сплошной человеческий муравейник, старые и новые кварталы...

(В последующие десятилетия мне несколько раз доводилось бывать в китайской столице. Во времена, когда в советско-китайских отношениях был резкий спад, и когда эти отношения приходили в норму. Не забуду, как в годы «культурной революции» я летел в Ханой из Пекина на «Ил-18», и тогда стюардесса «пронзала» меня мнимым штыком как «ревизиониста», а спустя мгновение, отложив в сторону красный цитатник Мао Цзэдуна, угощала меня освежительными напитками).

Но это было потом. А в тот, 1961 год, мы ехали на поезде на юг Китая, где нас ждала пересадка на поезд до Ханоя. С каждым часом волнение нарастало. Какой же на самом деле Вьетнам, насколько наяву он придется моей душе?

И первая встреча с этой страной меня не разочаровала. Лесистые холмы, бездонное небо, какой-то специфический

аромат. Потом были плоскогорье, долина и новые восхитительные образы этой чудесной страны...

Разговаривали с попутчиками. Они удивлялись, что в Советском Союзе студенты изучают вьетнамский язык.

На Ханойском вокзале нас встречали представители Университета. Поселили меня в общежитие на улице Нго Куен рядом с Большим театром. С китайскими, албанскими студентами установил добрые отношения. Занятия проходили успешно: я готовил диплом по вьетнамской лингвистике.

Удивительно уютный, спокойный город. Ханой живёт в своём размеренном ритме: рано просыпается и рано укладывается на ночлег. Особняки бывших французских господ, старинные улочки ремесленников, озёра, парки, дамбы. Красавец мост Лонгбьен (росчерк пера дракона), связывающий два берега Красной реки. С друзьями часто бродили по городу, особенно по ночам, когда спадала жара. Пили пиво на озере Возвращенного меча...

Ханойцы трепетно любят свой город, и им нравится, когда гости проявляют интерес к его истории.

..Это произошло в XI веке. Король Ли Тхай То перенес столицу в крепость Дайла и назвал ее Тханглонг («Взлетающий дракон»). Когда правитель в поисках подходящего места достиг берега Красной реки, утверждает легенда, он увидел летящего дракона, который своим светом озарил полнеба. Это был добрый знак. В своем указе

Ли Тхай То подчеркнул, что Тханглонг, «расположенный в центре от границ нашей земли, подобен властителю мира, свернувшемуся кольцами сильному дракону, восседающему тигру. Он равно удален от востока, запада, юга и севера, выгодно окружен горами и реками. Земли там просторные и ровные, плодородные и высокие, население не будет страдать от наводнений, там всего изобилие...»

Город «Взлетающего дракона» стоит и сейчас, только называется он теперь Ханой («Город посреди реки»).

В ту далекую пору в стране строилось особенно много буддийских храмов и пагод. Символом Ханоя стала Пагода на одном столбе, она напоминает любимый во Вьетнаме лотос. Именно в виде этого цветка сооружались пьедесталы статуй Будды и бодхисатв.

В оформлении храмов и пагод, как и в целом в декоративном искусстве Вьетнама, используются изображения различных цветов, птиц и животных, и, конечно, дракона. Обычно он встречается вместе с единорогом, черепахой и фениксом. Кстати, волшебная птица эта – самый распространенный после дракона образ, символизирующий женскую красоту.

Весьма популярны рыба, летучая мышь, журавль и тигр.

А добрая легенда о «Взлетающем драконе» имеет свое ответвление. Давным-давно, когда со стороны моря на Вьетнам двинулась вражеская флотилия, огромный дракон с того места, где сейчас находится Ханой, взмыл в небо,

прилетел на побережье и улегся в море, чтобы преградить путь противнику. Залив этот так и называется – Халонг (Спустившийся дракон).

Удивительно прекрасен Халонг. Тысячи островов, словно гребень мифического животного, погрузившегося в синее море... А какие краски! Особенно таинственен залив ночью при свете луны. Да еще тут и там мерцают огоньки ламп на рыбацких сампанах. По своей красоте Халонг считается «восьмым чудом» света. Правда, на своем веку он повидал немало горя. И был свидетелем блестящих подвигов защитников отечества, которые твердо верили в свои силы, не уповая на помощь дракона.

Не потому ли у одного из современных вьетнамских поэтов есть такие строки:

Над заливом Халонг серебрится рассвет.
Что ему наши бедны и войны...
Никаких и в помине драконов тут нет –
Бьются в лодку кудрявые волны...

В глубине моря расположен архипелаг Драконьего жемчуга. Живут на нем отважные и работающие люди. Ловят рыбу, делают пахучий соус, собирают лечебные травы...

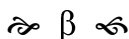
Где только не встретишься с вьетнамским драконом!

Запомнились прекрасные часы, проведенные в ханойском Храме литературы. Он был построен в XI веке, и вскоре там была открыта Школа сынов Отечества, которая готовила детей аристократических семей к

государственной службе. На многочисленных каменных стелах высечены имена тех, кто успешно сдавал конкурсные экзамены.

Во дворе храма можно увидеть «водяного дракона»: два дерева, композиционно увязанные в едином ансамбле с изогнутыми стволами в форме дракона...

Во Вьетнаме известны такие растения, как «тигровый гриб», «кость дракона» (кактусы). Да разве все перечислишь.

... Посол Товмасын и торгпред Горшунов часто приглашали меня в гости. Первый хорошо играл в шахматы, другой был любителем преферанса и рыбалки. Кроме того, иногда выступал в качестве переводчика. Ездил с нашими специалистами по разным провинциям Северного Вьетнама.

В одной из таких командировок в 1961 году делал краткие записи:

«Едем на юг. В провинции Тханьхоа увидел стоящую на скале «каменную женщину». Эта фигура – творение природы. Легенда гласит, что когда в далекие времена началась война, муж этой женщины ушел на фронт, а она стала ждать его. Но так и не дождалась. Окаменела от горя...

На полях зелень рассады. Туман. Силуэты людей, буйволов. На дороге встречаются советские машины.

Недалеко море. Горы. Идет бригада строителей. Гора щебенки у железнодорожной насыпи. Эвкалипты.

Въезжаем в Винь. Переправа Бентхюи. Торговки рыбой, чёрный глаз каракатицы, опутанной скользкими длинными щупальцами. Сверху легкий прозрачный панцирь.

До чего красива река Лам!

Так впервые мне довелось побывать в Вине – центре провинции Нгеан – родине Хо Ши Мина.

Перевал. Внизу долина. Рисовые поля. Море. Голубое. Песчаный берег. Провинция Куангбинь, Отвесные скалы. Многие деревья цветут. Верхушки в тумане. Море зелени. Какая-то птица с белой шеей. Яркие красные цветы. Широкая полоса сосен. Под деревом сидят крестьяне. Отдыхают. Парень читает газету. Идут и идут люди с коромыслами. Остроконечные шляпы.

Остановка в деревне. Дети. Разговор. Сколько радости и шума! Река. На той стороне – горы. Где-то слева море. Белые паруса. Прохладный ветер. Огромная сеть-паук натянута на четырех шестах. У причала – джонки. Потрепанные, коричневые, вылинявшие паруса. Ждём паром. Он только что ушел на ту сторону...

Приближаемся к 17-й параллели.

Донгхой. Старая крепость, окруженная рвом с водой. Строили при французах. Рядом море. Красивый зеленый поселок.

Река Нягле. Паром с катером.

Гостиница. На ужин крабы с французским «Бордо».

... Боец везет большую маску дракона. Говорит, что готовятся к концерту. Слева – песчаные дюны. Жаркое солнце. Много джонок.

На грядках растут маниока, арарут, канны. Напоминание о прошлой войне – почерневшие доты.

Много пагод, церквушек. Красно-бурая дорога. Люди несут вязанки хвороста.

Вот и Виньлинь – центр особой зоны. Виден издалека – весь в зелени. Стройные, чистые домики.

Население Виньлиня – 16 тыс. человек. В основном рыбаки. Раньше многие занимались мелкой торговлей. Постепенно люди объединяются в кооперативы. Растет количество рабочих. Побывали в госхозе «Кует-тханг» («Решительная победа»). Выращивают черный перец, маниоку, арахис, джут, батат, кукурузу, добывают латекс.

В Донгхое – одна школа третьей ступени, две школы – второй ступени и ряд начальных школ. Работают они в две смены. Видели, как ребята делают зарядку. Большой кинотеатр. Идет советский фильм «Главная улица». В поселке своя электростанция, есть радио. Побывали в новом книжном магазине...

17-я параллель. Река Бентхюи – длина 38 км. Мост Хиенлыонг: одна половина выкрашена в красный цвет, другая – в зеленый. На северной стороне – огромный яркий красный флаг с золотой звездой – флаг ДРВ. На другой –

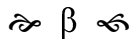
желтый с тремя полосками – флаг сайгонского режима. Сколько ещё продлится раскол страны?

Беседовали с рабочим. Он уже 15 лет не видел семьи. Она отсюда всего в 40 километрах за этой рекой. Четверо детей. Тяжело на душе. И таких разделенных семей очень много. Была бы родина скорее объединена... Об этом слышишь почти в каждом разговоре...»

Не раз бывал в порту Хайфон, куда приходили советские суда. Нравилась курорт Дошон и Тамдао.

Посол предложил мне поработать учителем физкультуры у советских ребят. Я водил их в бассейн Международного клуба.

По вечерам в этом клубе устраивали танцы. Играл джазовый оркестр. Познакомился с интересными людьми – артисты, писатели...

Весной 1962 года вернулся в Москву. Одно время преподавал вьетнамский язык на экономическом факультете МГУ.

Защита диплома прошла успешно. Выпускной вечер, как и в школе, был торжественным и грустным. Пили шампанское.

На работу устроился в Центральный комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. Там обучалась молодёжь из разных стран мира, в том числе из Вьетнама. Требовались

переводчики. Мысль эту мне подал Женя Кобелев, который уже работал в ЦКШ.

Места очень красивые. Роща. Озеро. Старинный особняк. Рядом – комплекс зданий ЦКШ.

Работали мы с Женей посменно, через день. Переводили лекции по истории КПСС, политэкономии, философии. Посещали разные предприятия, учреждения Москвы, где слушатели знакомились с опытом комсомольской и партийной работы. Естественно, всё это требовало немалых усилий для повышения знаний, навыков речи.

Поступил в заочную аспирантуру Института языкознания Академии наук. На «отлично» сдал кандидатский минимум. Начал готовить диссертацию.

Много времени проводили в спортзале и на стадионе. Однажды я метнул гранату так далеко, что её, как шутят друзья, ищут до сих пор. По прыжкам в длину и высоту у меня был третий разряд.

С моей прекрасной избранницей Людой после свадьбы в Москве в январе 1964 года провели медовый месяц в Ленинграде, где проходила практику вьетнамская группа ЦКШ. В те дни у меня был особый подъём, что не осталось незамеченным от друзей.

Мы дали жизнь сыновьям Диме и Феде. Они росли, как говорится, у Бога за пазухой. Но не все было так гладко, как хотелось.

19 августа 1991 года мы провожали Диму в Лаос на работу в торгпредстве. В те дни произошли известные события в Москве, которые перевернули историю страны.

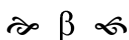
А Федя в 1993 году, когда громили парламент в Москве, служил в погранвойсках в Выборге.

Это была уже совсем иная Россия.

С болью восприняли развал Советского Союза. Наступили новые времена.

Украину от России
Отрывают злые силы,
Да, бывает, две сестры
На язык, ох как остры!
Но ведь кровь-то их роднит,
Жизнь сама объединит!

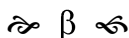
Украина переживает сложный период в своей истории. Уверен, что булава Богдана Хмельницкого указывает верный путь в будущее с Россией.

В истории не раз бывало
Губили Русь без всяких слёз,
Натягивали спешно покрывало
Простроченное нитками берёз.

Но рано хоронили Русь,
Любовь к ней не угасает,
Сказать отнюдь не побоюсь:
Она себя ещё не знает!

Надеюсь, что мои сыновья, внуки Лёша, Саша и внучка Вика обретут достойное место в этой непростой жизни.

Но вернемся немного в прошлое.

С лета 1964 до весны 1967 года я работал референтом в Международном отделе ЦК ВЛКСМ. В декабре 1964 года в составе молодежной делегации побывал во Вьетнаме. Самой памятной стала встреча с Хо Ши Мином. Впервые я увидел этого легендарного человека так близко. Сухопарый, мягкий голос, удивительно добрые глаза, борода, полотняный костюм, сандалии...

Он рассказал о годах, прожитых в Советском Союзе. Особенно его восхитила энергия и целеустремленность, с какими советские люди в 20-е и 30-е годы строили новое общество. Хо Ши Мин с улыбкой вспомнил следующий эпизод: на одном из московских заводов исключили из комсомола «фифу» (так он по-русски называл ту девушку) за то, что она носила слишком нарядные платья и туфли на высоких каблуках. «Я так хочу, – гордо ответила она, – ведь я честно зарабатываю на свою жизнь». Позднее, вспоминал Хо Ши Мин, жизнь в Советском Союзе стала налаживаться.

О положении во Вьетнаме президент сказал коротко: «Вы наверняка понимаете ситуацию. Раз американские агрессоры посягнули на нашу страну, мы их непременно

изгоним!». При этом он подчеркнул важность международной солидарности с Вьетнамом.

В те годы в мировом коммунистическом движении были серьёзные разногласия. Хо Ши Мин не стал останавливаться на этой проблеме. Он просто подчеркнул свою глубокую веру в родину Октябрьской революции.

Известно, что Хо Ши Мин в юности уехал в эмиграцию от сайгонской пристани Няжонг (обитель дракона). Одного из последних вьетнамских императоров он презрительно называл «бамбуковый дракон». Когда же Хо Ши Мин находился в тюрьмах гоминдановцев в Китае, он сравнивал себя с драконом в неволе, но затем вырвался на свободу и возглавил народное восстание в 1945 году.

Недавно я написал поэму о Хо Ши Мине:

Родился он в Лotosовой деревне,
Это символ благородства и простоты,
Впитывал соки земли древней
Удивительной кристальной чистоты.

Отправился в даль искать истину,
Увидел Октябрьское солнце сквозь тучи,
Стал патриотом воистину,
Борцом отважным, могучим.

Во снах видел стебли бамбука,
Родителей, сайгонский причал,

В сердце ныла боль разлуки,
Но терпел, изгоняя печаль.

Он создал Партию коммунистов,
Вручил ей компас в дорогу,
Был в борьбе прям и неистов,
Шагал со временем в ногу.

В 41-ом пришёл во Вьетбак¹
После зарубежных скитаний,
И стал умудрённый Бак²
Готовить народ к восстанью.

В застенках он вёл дневник,
Пронизанный солнечным светом,
Он в самую душу проник,
Овеянный Родины ветром.

В историческом 45-ом
Гром Августовский грянул,
Покончено с игом проклятым,
И духом народ воспрянул.

Независимость! Площадь Бадинь,
Звучит Хо Ши Мина речь.
Вьетнамский народ, как один,
Поклялся Отчизну беречь.

¹ Вьетбак – район в Северном Вьетнаме.

² Бак – дядюшка, так во Вьетнаме уважительно и любовно называют Хо Ши Мина.

Враги раздули военный пожар,
Народ шёл за Баком следом,
И президентского сердца жар
Путь озарял к победам.

Блестящая операция «Хо Ши Мин»,
Весенней победы ода,
От Севера до Юга Вьетнам един
В условиях независимости и свободы.

Международную мощную солидарность
Высоко ценил Хо Ши Мин,
И выражает свою благодарность
Вьетнамский народ – исполин.

Память дядюшки Хо – святыня,
Социалистический Вьетнам – вперёд!
Курс обновления – это твердыня,
К новым высотам ведёт.

Его Мавзолей утопает в цветах,
Здесь гости со всей планеты,
Образ его в наших сердцах,
И живы его заветы.

В деревне Лотосов празднуют новь,
Здесь родилась былина,
Мы прославляем вновь и вновь
Великого Хо Ши Мина!

Я не раз встречался и с премьер-министром ДРВ Фам Вам Донгом в Москве и во Вьетнаме. Это был сильный, волевой и жизнерадостный человек, который сделал очень многое для укрепления дружбы между нашими народами.

В 1967 году я прибыл в Ханой в качестве постоянного корреспондента ТАСС и газеты «Комсомольская правда». Постоянные налёты американской авиации. Массированные бомбардировки. Воздушные тревоги объявляются по 8-12 раз в день. Зенитно-ракетные войска встречают врага метким огнём. На моих глазах были сбиты десятки стервятников. А всего в налётах на Северный Вьетнам (до января 1973 года) американская авиация потеряла 4181 самолёт.

Хочу вспомнить несколько своих очерков, написанных в те годы.

ДАЙТЕ МНЕ КОНЯ И МЕЧ!

«Мы не встречались пять лет. И, конечно, приехав в Ханой, мне хотелось увидеть старого друга, поговорить с ним. Я знал, что Ле Там работает вторым секретарем Ханойского горкома Союза трудящейся молодёжи, но найти его было нелегко. Ле Там редко бывал в горкоме – почти все время проводил в командировках.

Правда, однажды я слышал его выступление перед молодыми добровольцами, уходящими на фронт. После окончания митинга хотел протиснуться к нему, но в этот момент раздалась команда: «По машинам!» Матери обнимают сыновей. Девушки, смущаясь, говорят любимым напутственные слова. Ребята с оружием и походными ранцами рассаживаются по машинам, прижимая к зелёным гимнастеркам красные гвоздики. Так уж издавна заведено во Вьетнаме: когда провожают на фронт или встречают возвращающихся с фронта, дарят красные гвоздики.

Взревели моторы. Через несколько секунд на площади остались одни провожающие и тишина, нарушаемая лишь взволнованным шелестом пальм. Ле Там уехал провожать добровольцев.

...Помню, как в Вешняках, где в Центральной комсомольской школе учились вьетнамцы, после лекций и семинаров вечерами шли мы гулять на озеро. О чем только мы не говорили, не спорили тогда. Ле Там читал свои стихи (он начал писать еще во время прошлой войны Сопrotивления). Он снимал очки, машинально протирая их, прищулив свои близорукие глаза, вглядывался в глубину темнеющего парка и читал тихим голосом новые строки.

Помню, когда в Вешняках расцвели яблони, Ле Там сравнивал их цвет с первым пушистым снегом. И то и другое он увидел впервые в Москве. И снова он читал

стихи. Стихи об освобождении Ханоя от французских колонизаторов. Они назывались «10 октября 1954 года»...

Вьетнамцы – поэтический народ. Это действительно так. И они гордятся своей древней культурой, слагают легенды, которые передаются из поколения в поколение.

Особенно близка сердцам вьетнамской молодёжи легенда о храбром юноше из деревни Фу Донг о чём я рассказал выше.

Интересно, что до сих пор вьетнамцы, живущие в этом районе, объясняя, почему у них не так уж много бамбука, как, например, в других местах страны, утверждают, что именно здесь проскакал на железном коне храбрый юноша Тхань Зонг на бой с чужеземными ордами.

Когда на днях я пришел к своему другу в горком, первое, что увидел, было красное знамя с надписью: «Молодежному батальону Фу Донга от Ханойского горкома Союза трудящейся молодежи Вьетнама». Здесь же лежал букет свежих красных гвоздик. Ле Там объяснил, что это знамя будет вручено батальону, сформированному недавно из добровольцев пригородного района. Он показал мне и другие знамена, которые хранятся в горкоме. Здесь же и знамя добровольцев из столичного района Ба Динь.

Ле Там показывает мне заявления ханойских рабочих, студентов, служащих, учеников, которые просят отправить их на фронт.

«Я готов пролить свою кровь за свободу и независимость родины. Требую, чтобы мне дали оружие для борьбы против американского империалистического зверья», – пишет ханойская девушка Нгуен Тхань Хыонг.

«Это уже мое третье заявление. Комиссия не пропускает меня по состоянию здоровья. Прошу горком разобраться в этом вопросе. Заявляю, что я как член Союза трудящейся молодежи готов отправиться в самое трудное и опасное место, чтобы сражаться с агрессорами до тех пор, пока наша родина не будет свободной. Мои родители согласны. Они сами прошли войну Сопротивления против французских колонизаторов».

Это заявление Нгуен Куй Минь из пригородного района Зялам, на который уже неоднократно падали американские бомбы и ракеты.

«Недавно, уже в который раз, я прочитал книгу «Как закалялась сталь», – сообщает в горком геолог Нгуен Луан. – Хочу этим сказать, что мое место там, где наиболее трудно в данный момент. Я готов взять оружие и отправиться на фронт. Я, как и вся наша молодежь, считаю, что всю жизнь буду твердо следовать героическому примеру Павки. Он всегда и всюду с нами: стоит у ракет и зенитных орудий, сидит с нами в окопах, работает с нами у станков».

Вспомнилась передовая в газете «Тиен Фонг», посвященная 50-летию Великой Октябрьской

социалистической революции. «Примеры борьбы советской молодежи в период гражданской и Великой Отечественной войн и в период успешного строительства социализма оказали мощное вдохновляющее воздействие на наше молодое поколение. Образы Павла Корчагина, Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Олега Кошевого и многих других героев советской молодежи стали поистине близкими и родными каждому юноше и каждой девушке Вьетнама,» – говорилось в этой статье.

Десятки, сотни заявлений. Среди них много заявлений от девушек, которые обращаются в горком уже по нескольку раз.

Чан Тхи Ням несколько лет назад ушла добровольно на подъем целины в провинции Хабак.

«Мы здесь прошли такую школу, – пишет она в своем заявлении, – что я, как и мои подруги, ничуть не уступим ребятам по силе ненависти к врагам нашей родины, по стремлению как можно скорее видеть землю свободной и мирной. Конечно, мы здесь тоже каждый на своем месте, работаем для этой победы. Но повторяю, если нужно, я и мои подруги в любую минуту возьмемся за оружие».

Пока я читал заявления, Ле Там сидел задумавшись. Он только что вернулся из командировки: ездил в один из эвакуированных институтов.

Начался новый учебный год, и горком проверяет, как учатся юноши и девушки на новых местах. Из Ханоя

эвакуированы все основные учебные заведения, промышленные предприятия, учреждения, но горком продолжает руководить работой организаций Союза трудящейся молодежи. Позже я узнал, что в этот день Ле Там чуть не погиб, когда переправлялся через реку. Американские самолеты бомбили дорогу, и бомбы упали совсем недалеко от переправы.

«О чем ты думаешь?» – спросил я друга. Он молча достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и показал. И я ничуть не удивился, когда увидел, что это стихи. В моём переводе они звучат так:

«Что заставляет матерей,
Провожающих в бой сыновей,
Улыбнуться в миг прощания?
И невесты дают обещание,
Пряча в ресницах тревоги свои ...
Впереди у ребят бои ...»

Вспомнилось его выступление перед добровольцами, уходящими на фронт. Так же, как и это новое стихотворение, оно заканчивалось словами Хо Ши Мина: «Нет ничего дороже независимости и свободы!».

ПЕСНЯ МУЖЕСТВА И КРИК ОТЧАЯНИЯ

О чем рассказали два стихотворения

«Говорит радиостанция «Освобождение»... Каждый день с земли, опаленной войной, сквозь треск помех звучат позывные радиостанции патриотов Южного Вьетнама. Недавно в одной из литературно-музыкальных передач, посвященной творчеству бойцов Армии освобождения, я услышал стихотворение Хо Нама. Оно было написано в разгар февральского наступления патриотов на города и американские базы в Южном Вьетнаме.

Ты слышишь, любимая,
весеннюю бурю над нашей
родной землей?

Мы идем в атаку.
Мне бы стать быстрым,
как стрела,
как горный водопад,
и сильным, как молния
в грозу...

Ты слышишь гул
землетрясений?

Горят аэродромы,
на воздух взлетают склады,
машины врага...

И если я упаду в тот час,
всего за секунду до победы,
я все равно улыбнусь
друзьям,

с которыми сражаюсь
за свободу...

Когда закончилась эта передача, я невольно вспомнил о другом стихотворении, написанном 23-летним американским морским пехотинцем Дональдом Волька. Корреспондент агентства Франс Пресс рассказал о нём в репортаже из Южного Вьетнама. «Мы мчались по шоссе № 9, прорываясь сквозь захваченный партизанами район близ Донгха. Нашу колонну несколько раз обстреливали с холмов. Дорога была вся изрыта воронками.

Он припал к пулемету. Когда стрельба утихла, он вытащил из кармана листок бумаги. Я увидел его напряженное лицо и беспокойство в глазах. Дональд выругался и сказал: «Это стихотворение. Я написал его в день гибели моего друга...» Вот отрывки из этого стихотворения:

Пока я сижу здесь,
на этом клочке земли,
изуродованном войной,
я спрашиваю себя:
что нужно для того,
чтобы стать человеком?
На родине на меня
посмотрят и скажут,
что я защищал свободу
своей страны.

Но откуда им знать,
сколько раз я рыдал,
 когда был убит мой друг?
Я рою себе глубокий окоп,
осколки свистят со всех
 сторон.

Скоро закончится этот день,
но все равно завтра
 начнется новый.

Я часто спрашиваю,
 стоит ли мне
платить ту цену, которую
 мы платим здесь.

Эти два стихотворения были написаны в одно и то же время в Южном Вьетнаме... (1968).

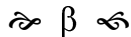

Северный Вьетнам служил надежным тылом для сил освобождения Южного Вьетнама. Отсюда направлялись воинские части, оружие, боеприпасы. Конкретную военнотехническую помощь сражающемуся Вьетнаму оказывал Советский Союз.

Перелом в войне Соппротивления пришелся на 1968 год, когда наступление патриотов на юге страны буквально потрясло американо-сайгонский режим. Оно началось 30 января, в день праздника нового года по лунному

календарю. Главные удары были нанесены одновременно по 35 административным центрам. Атаки были активно поддержаны широкими выступлениями населения. Патриоты вывели из строя ряд важных объектов в самом Сайгоне, захватив на время посольство США.

За неделю боев американцы потеряли убитыми и ранеными 10 тыс. человек, сайгонская армия – 40 тысяч. Было сбито и уничтожено на земле 1500 самолётов и вертолётов.

В 1969 году я побывал в провинции Хатинь.

«Газик» сворачивает с Дороги № 1. Едем на запад Хатиня. Неожиданно зелень полей обрывается. Голая долина, окруженная вымершими холмами. Цвет какой-то неопределенный, рыжий. Моросит дождь. Если бы кому-то вздумалось искать натуру для съемки фильма о луне, то, пожалуй, более выразительного места на нашей земле не сыскать. Огромные и мелкие кратеры воронок взрыхлили долину. Куда ни повернись – воронки, одни воронки. Сколько же их тут?! Вернутся сюда люди, поставят новые жилища, посадят пальмы, бамбук, бананы... Но будет ли здесь вновь расти тропическая зелень? В ладони пригоршня земли. Выбрасываю мокрые комочки. Остальное – осколки бомб...

ВСТРЕЧИ В ГЕРОИЧЕСКОМ ХАТИНЕ

Съезд объявил перерыв до вечернего заседания. Но никто не торопился расходиться.

Бойцы окружили артистов ансамбля, попросили их что-нибудь спеть. И вновь я услышал песню, которую здесь любят и знают все. Это песня о героической провинции Хатинь.

Здесь в одной из деревень Хатиня, в районе с поэтическим названием Ароматные Горы, проходил съезд рабочих, крестьянских и армейских делегатов провинции, посвященный итогам четырех лет войны и планам восстановления Хатиня. Хотелось встретиться с каждым из пятисот делегатов, записать их рассказы, узнать об их судьбах. Но, увы, времени было слишком мало.

Мне повезло. Я нашел человека, который помог мне встретиться с многими из них. Невысокого роста пожилой мужчина ходил с фотоаппаратом между группами делегатов, делал снимки, здоровался со всеми, как со старыми знакомыми.

Когда этот человек повернулся ко мне, я увидел на его груди медаль: на золоте буквы – «IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Софии». Так состоялось мое знакомство с фотокорреспондентом Фан Тхоаном, получившим золотую медаль на фестивале за свой снимок

«Девушка-ополченка конвоирует пленного американского летчика».

В тот день мы работали вместе. Сколько интересного узнал я, встречаясь с делегатами, беседуя с ними. У большинства боевые медали, трудовые ордена. Когда спрашиваешь о наградах, смущаются, отвечают односложно. О многом рассказывал Фан Тхоан. Он часто бывал на боевых позициях, в цехах эвакуированных предприятий, на строительстве дорог, в кооперативах, в рыбацких бригадах.

«Давай снимем вот эту группу», – предложил Фан Тхоан и показал туда, где в тесном кругу шел оживленный разговор. Щелкнули фотоаппараты. Потом Фан представил меня собравшимся и стал называть фамилии делегатов.

С тремя из них удалось поговорить. В блокноте остались записи:

«Старший лейтенант Зыонг Ти Уен. Командир зенитного дивизиона. Участвовал в сотнях боев. Звание Героя ДРВ – за успешные бои с американскими стервятниками. Батарея сбила самолет в первом же бою над городом Хатином 26 марта 1965 года...»

«Нгуен Ван Дыонг, Герой труда ДРВ. Бригадир лесхоза Тюк-А».

«Да что рассказывать о себе? – помню, улыбнулся тогда Нгуен Ван Дыонг. – Вечером буду выступать на съезде.

О нашем лесхозе буду говорить, о наших трудностях, о задачах. А о себе – что же? Наградили в 1967 году как бригадира. Считаю, что вся наша бригада получила звание героев. Работы у нас непочатый край. Приезжайте к нам...»

«Я был у него в лесхозе, – рассказал потом Фан Тхоан. – Большие дела делает – залюбуешься. Это про Дыонга говорят, что он – царь джунглей».

Третий, с кем я поговорил тогда, был крестьянин Хо Ван Минь из общины Хыонгтан. В прошлой войне против французов был сапером в Народной армии. Знание и опыт пригодились и в этой войне. Прошел специальные курсы, изучил американские бомбы и в своей деревне обезвредил их 263 штуки.

С одним из делегатов приехал его 9-летний внук – мальчик Бинь из деревни Дайлок. Как мне показалось, дед очень гордился внуком.

...Однажды бомбили деревню. Ополченцы, среди них и дед Биня, вели бой. Мальчик подносил боеприпасы. Налет продолжался уже тридцать минут. Самолеты остервенело швыряли бомбы, ракеты. Несколько ополченцев были убиты. Раненые оставались на своих местах. Где-то у реки стреляли зенитки. Бинь не впервые участвовал в таком бою. Взрослые всегда гнали его в бомбоубежище, но где там! Дед молчал, знал, что внук все равно не пойдет. Вдруг Бинь увидел, как загорелось перекрытие на блиндаже, где был

склад с боеприпасами. Бросился тушить пожар. Обгорела вся одежда, руки. Когда подбежали другие, Бинь сидел в траншее и плакал. Испугался, что склад мог взлететь на воздух...

Поразительный народ – вьетнамские фотокорреспонденты. Работают почти кустарным способом, в тяжелейших условиях, когда и электричества-то нехватает. Но посмотрите на их снимки. Разве мало среди них по-настоящему мастерских по исполнению, не говоря уже о том, что эти снимки дышат героикой народной борьбы и труда! Талантливым мастером показал себя Фан Тхоан.

Когда смотришь на фотографии, сделанные Фан Тхоаном, испытываешь глубокую любовь к Хатиню, этому краю романтики и героизма, замечательных людей и славных традиций.

Одна из самых ярких страниц истории Хатиня – революционное движение Советов в начале 30-х годов. По примеру Октября трудовой народ провинции Хатинь и Нгеан встал под красное знамя с серпом и молотом и установил впервые на вьетнамской земле народную власть. И хотя она продержалась недолго, это был толчок к революционной борьбе. В 1945 году по всей стране победила Августовская революция.

«Это одна из главных тем моих снимков, – говорит Фан Тхоан. – Преемственность революционных традиций,

поэзия революции. Я стараюсь рассказать людям о нашем бурном революционном времени, о том, как коммунисты сегодня ведут народ к полной победе в борьбе за свободу и независимость родины, как в трудных условиях на нашей древней и прекрасной земле побеждает социализм».

Вечером, после заседания съезда, мы вновь встретились с Фан Тхоаном и долго говорили о Хатине. Он досконально знает в своей провинции каждый уголок. И, конечно, мы говорили о Деонганге – знаменитом горном перевале на границе с провинцией Куангбинь.

Я был на Деонганге несколько раз до войны. Признаться, дух захватывало от чудесного вида на море с рыбацкими парусами, с белоснежным песчаным берегом, над которым громоздятся причудливые скалы. Внизу нежится под солнцем и ветром рисовая долина. Среди сосен привольно стоят жилища. А небо – только здесь оно кажется таким чистым и волшебным – сбегает, как горный ручеек, на мирную землю.

«У меня сохранились снимки Деонганга от мирных времен, – словно угадав мои мысли, говорит Фан Тхоан. – Сейчас там многое изменилось. Когда поедешь в Куангбинь, сам увидишь...»

Через несколько дней я стоял на горном перевале. Сердце сжалось от боли.

И тебя не обошел ураган войны, красавец Деонганг! Твои склоны в рваных ранах от бомб и ракет, на горной дороге следы засыпанных воронок, темные щели бомбоубежищ. Здесь горели не только деревья, цветы, но даже и камень. Над долиной рассеивается туман, обнажая поля, изуродованные бомбами. А еще дальше разбитый рыбацкий поселок. Ни одного уцелевшего дома! Сколько же ты пережил горя, Деонганг! Разве только в море не осталось следов этого горя. Лента песка у берега напоминает белую траурную ленту, какие носят во Вьетнаме. Чуть ниже от того места, где я стою, сидит мальчик-пастушок. Его буйвол ощипывает на краю воронки куст с красными цветами. Мальчик сидит молча и задумчиво наблюдает за тем, как над морем всходит солнце. Полгода назад здесь погибли его мать и две сестренки.

Небо прочертили американские самолеты.

Вспомнился снимок Фан Тхоана «Девушка-ополченка конвоирует пленного американского летчика». У моего друга много фотографий сбитых американских самолетов, летчиков. Это тоже одна из страниц жизни героического Хатиня. И тот, ставший знаменитым снимок, за который Фан Тхоан получил золотую медаль на фестивале, – всего лишь один из эпизодов этой жизни. Фан Тхоан сделал его 20 сентября 1965 года. «В тот день, – рассказывает Фан, – я приехал в одну общину в командировку. Самолет «Ф-105»

был сбит на моих глазах. Потом появился американский вертолет, чтобы спасти сбитого летчика. Но и для вертолета этот рейс оказался последним, а летчика Уильяма Робинсона ополченцы захватили в плен. Конвоировала этого верзилу девушка Нгуен Тхи Ким Лай. Жаль, что на съезд она не смогла приехать».

В тот вечер, сидя в крестьянской хижине, я еще спросил Фан Тхоана о его планах на ближайшее время, куда собирается и что хочет снимать после съезда. «Сейчас обстановка у нас, в Северном Вьетнаме, изменилась: и не война в прямом смысле, да и не мир тоже. Хочу поездить, посмотреть, как народ наш восстанавливает провинцию. Задумал фотоочерк о школе. Я и раньше много снимал ребят, да все же война была, и учились они под бомбами. Тяжелое было время. У меня самого шестеро детей, и все учатся: Бан – в Ханойском университете, Ан – в Московском химическом, остальные – в деревенской школе...»

Утром я уезжал из Ароматных Гор. Через поле, где колосился рис нового урожая, шли на очередное заседание делегаты рабочих, крестьян, воинов провинции. Хатинь подводил итоги и обсуждал планы на будущее. Где-то вдали зазвучала песня, которую любят мой друг Фан Тхоан и все хатиньцы, – песня о героическом Хатине. О провинции, которая выстояла в бою и сегодня делает все,

чтобы приблизить час окончательной победы. Фото-корреспондент Фан Тхоан мечтает об этом часе, когда он сможет снять на пленку радостные лица людей и мирное небо над Деонгангом.

ДОЧЬ РЫБАКА

Дап родилась в море. В этом, собственно, нет ничего удивительного. Старые, взятые в аренду у хозяина джонки заменяли тогда многим рыбацким семьям дом. Хоть и близко берег, но рыбакам на нем нечего было делать: ни своего клочка земли, ни хижины... Вот и оставалось только, что жить в открытом море и заниматься тяжелым морским промыслом.

Горько вспоминать те далекие годы.

...Обессилевшая от голода и болезней девочка лежит на дне джонки, потерявшейся среди бушующих волн. Над девочкой низко склонилась мать. И Дап никак не поймет, брызги ли соленого ветра или материнские слезы падают ей на лицо. Потрескавшиеся от горя губы матери тихо шепчут молитву. Неужели дочь не спасет даже ее имя – Дап – «Колотушка»? (В ту пору в большинстве рыбацких семей детям давались самые некрасивые и страшные имена, чтобы отвести от них злых духов. Хотя бы взять нынешнего председателя рыбацкого кооператива, имя его Вео – «Кривой» – звучит сейчас просто странно.) Дап повезло

тогда. Смерть отступила от нее. И когда девочка очнулась, над ней тихо и грустно мерцали звезды. Весь мир для дочери рыбака был ограничен бортами джонки. Через эту черту девочке редко приходилось переступить.

...Дап помнит, как на их джонке перевозили партизан, как отец с матерью ухаживали за ранеными, как эти люди ласково разговаривали с ней. А когда приходили новости о взрыве французского военного склада или о партизанской засаде посреди песчаных дюн, Дап хорошо знала, чьих это рук дело.

День, когда Дап навсегда сошла на берег, не забыть до конца жизни. Отец сказал, что теперь у них будет своя хижина на берегу. Родовались все рыбацкие семьи. С непривычки казалось, что берег качается под ногами, а белый, залитый ярким солнцем песок больно слепит глаза, будто морская соль.

Теперь Дап лишь изредка выходила в море. Дети рыбаков стали учиться в школе. Сбылась мечта отца дать своей дочери образование. Чтобы попасть в школу, Дап нужно было всего-навсего пересечь песчаную дюну. Отсюда, с высокой вершины, мир представлялся совсем иным, чем с джонки. О, теперь эти джонки выглядели крошечными точками в бескрайней синеве.

Шли годы. На глазах Дап рос и хорошел новый поселок. Рыбацкий кооператив считался уже одним из лучших

в провинции Куангбинь. Постепенно все дома были поставлены под красную черепицу. Кокосовые пальмы украсили этот берег.

Кооперативу нужны были люди, и Дап пошла работать. Потрошить и солить рыбу она умела с детства. Старшая дочь понимала, что отцу одному трудно прокормить большую семью, в которой семеро детей.

Каждое утро, как обычно, Дап спешила на любимую песчаную дюну. Дап любила море. Да и можно ли относиться к морю равнодушно, если оно знает все твои мысли и тайны? Сколько раз Дап с подругами сидела на этой вершине, и море слушало девичьи песни и разговоры!

...Свадьба была шумной, веселой. Всем нравилась молодая, красивая пара. Следующим утром Дап и ее нареченный Хоа встречали восход на дюне. Это только тем, кто не знает моря, может показаться, что оно всегда одинаково. Оно было в тот день каким-то необыкновенным и торжественным. Чего стоят одни только краски этого удивительного мира воды, солнца, неба и песка! Дап и Хоа молча прислушивались к тишине первого дня новой жизни, к шепоту волн, к шелесту ветра, к шороху дюн и к ударам собственных сердец.

Больно вспоминать это совсем недавнее время. Каким далеким кажется оно теперь, когда все кругом – и эта

любимая песчаная дюна – изрыто воронками от американских бомб и снарядов!

...Они прощались на этой вершине, где сейчас стоит зенитный пулемет Дап. Уходя в армию, Хоа крепко поцеловал жену и коротко сказал: «Пиши».

И она писала ему. Писала все эти годы. Дап писала о том, как проходила у них эвакуация, как женщины и дети перебрались в горы, в джунгли. О том, что ее младшая сестренка, Кхоан, погибла в 1965 году. О том, что только 24 сентября 1966 года в поселке было разрушено 234 рыбацких дома, убито 10 и ранено 17 человек. О том, что вскоре от поселка ничего не осталось. Даже ни одной кокосовой пальмы. И чайки больше не осмеливались появляться над этим изуродованным войной песчаным берегом...

Но на берегу оставались рыбаки. Остался и отец Дап. А сама она была назначена командиром отряда самообороны. 22 девушки стояли на этих песчаных дюнах насмерть, защищая от врага родную землю и родное море. Дап писала мужу, что бои с американскими самолетами идут ежедневно. Она утаила от Хоа, что была тяжело ранена. Но зато написала, как 15 августа и 16 октября 1968 года ее отряд сбил два американских самолета...

Отца в последние годы Дап видела очень редко. Она дежурила на боевой позиции, а он уходил в море на своем

сампане. Каждый такой выход мог в любую минуту стоить жизни. Но рыбаки – народ отчаянный. Когда американские летчики шли в пике, чтобы разбомбить, расстрелять сампаны, рыбаки бросались в море, ныряли. У каждого к поясу была привязана длинная веревка. И если кто-нибудь был ранен, его быстро вытаскивали из воды. Это однажды спасло отца Дап.

Со своей песчаной дюны Дап часто видела, что с моря возвращаются не все сампаны. Она знала лодку отца по парусу. И каждый раз, еще издали заметив его, чувствовала, что с сердца будто сваливался камень.

А с матерью и младшими в семье Дап встретилась только после прекращения американских бомбардировок. Ездил навесить их в район эвакуации. Братья и сестры учатся в школе. А мать занимается хозяйством, выращивает овощи, домашнюю птицу. В тот день они говорили долго обо всем, что пережили за годы войны. Дап рассказывала о своем отряде, о жизни рыбаков, об отце, о письмах мужа.

Отряд самообороны, которым командует Дап, и сегодня дежурит у зенитных пулеметов. График рассчитан таким образом, что можно было сочетать дежурство с работой в кооперативе, с учебой. Всегда кто-нибудь остается на позиции. Девушки начеку.

Сидя у пулемета, Дап пишет новое письмо мужу. Новостей в кооперативе много. На берегу, где раньше стоял

поселок, идут восстановительные работы. Но, конечно, не все сразу. В блиндаже, в котором последние годы работало правление кооператива, построили открытую веранду. Хватит работать под землей в этой тесной клетушке, где кругом мешали подпорки из железного дерева и сверху, как это всегда было при бомбежках, сыпался песок. Председатель кооператива Вео, выступая на недавнем собрании, сказал, что кооператив за труд в военные годы награжден орденом. И неплохо было бы и сейчас, в новой, благоприятной обстановке, оставаться на хорошем счету.

Дап пишет мужу, что заново у них отстроены разрушенные мастерские, где изготавливаются шелковые сети, новые сампаны, кирпич, черепица. Улучшилось снабжение. Некоторые семьи вернулись сюда, в песчаные дюны. Поставили временки из ракушечника. Пока со строительными материалами трудновато. Жилье будет строиться постепенно. Но уже сейчас рыбаки посадили по всему берегу молодые кокосовые пальмы.

Дап улыбнулась и взглянула на море. В далекой прозрачной синеве чернели рыбацкие сампаны. Где-то там сейчас и отец Дап со своей бригадой. И, как в детстве, дочь рыбака на всякий случай несколько раз взмахнула рукой. Над песчаной дюной, освещенной ярким солнцем, летели чайки. Они вновь вернулись к этому берегу...

ДОРОГА ЖИЗНИ

Повсюду на вьетнамской земле разбросаны «мешки с бомбами». Так здесь называют районы, которые пережили самые жестокие бомбардировки. Есть участки, испытавшие по нескольку тысяч ударов американской авиации, как, например, перекресток Данглок в провинции Хатинь.

Пока сам не побываешь в таком «мешке с бомбами», все рассказы могут показаться неправдоподобными. Данглок называют «долиной смерти», и для такого трагического названия, я убедился, есть все основания. Когда находишься здесь, среди бесчисленных воронок от бомб, трудно подобрать более точные слова. Четыре года изо дня в день, из ночи в ночь американская авиация обрабатывала долину и находящийся на ней перекресток дорог бомбами и ракетами. Данглок испытал более четырех тысяч налетов.

Конечно, это прежде всего говорит о значимости объекта, ведь через Данглок проходят важные транспортные пути. Но ведь раньше здесь была цветущая долина, где на площади в 9 квадратных километров раскинулась большая община, где стояли жилые дома и росли пальмы, где рождались дети, где шла жизнь большого густонаселенного района. Сейчас в этой пустынной долине, кроме воронок, нет ничего. Трудно сказать, когда здесь сможет возобновиться жизнь. Впервые за последние годы

те, кто проезжает через Данглок, могут видеть слабые побеги травы, прорывающейся между воронок. Удивительно, откуда у этой земли находятся еще силы, у земли, перемешанной пополам с осколками? Но в «долине смерти» уцелело главное – основной транспортный путь.

Здесь умирали люди, и благодаря их мужеству эта дорога никогда не умирала. Даже в самые страшные дни войны дорога, вся в заплатках и ухабах, шла то меж разбитых полей и холмов, то через уничтоженные поселки. Она жива и снова вся избита колесами машин, обожжена солнцем и весенним дождем. Дорога жизни, за которую отдали жизнь твои защитники.

...На одном из холмов, изрытом воронками, застыл памятник. К его подножию легла тишина, завоеванная в трудных боях. Уже сам вид этого строгого обелиска волнует. Памятник, сколоченный из досок, установлен здесь полтора года назад, когда на дороге в один день погибли десять подруг из ударной строительной бригады. Они оказались беззащитными перед бомбами, которые американские летчики сбросили на их головы.

Вот что рассказывает о них девятнадцатилетняя Ла Тхи Там, которая пережила в Данглоке два суровых военных года:

– Я хорошо знала девушек, которым мы поставили этот памятник. Их имена знает в нашей бригаде каждый –

и ветеран и новичок. В тот день подруги работали на дороге. Нужно было срочно засыпать пятнадцать воронок. Я знаю, это очень тяжелый труд. Нервное напряжение доходит до предела. Над долиной кружат самолеты. Они бомбят, обстреливают все, что попадает на глаза. К тому же жара, нестерпимая, страшная жара.

Сколько раз приходилось видеть смерть! А в тот день было особенно жутко. Бомбы накрыли щели, в которых скрылись все десять девушек. Как жили вместе в одном блиндаже, вместе работали, пели песни, мечтали, так и погибли вместе.

Ла Тхи Там говорит почти неслышно:

– Помню, на могиле наша бригада поклялась, что дорога будет жить. Что бы потом мне ни поручали, я старалась сделать все и за себя и за свою погибшую подругу. Вскоре меня поставили на новую работу – разметчицей. Ты сидишь на наблюдательном пункте – вон там, на вершине холма у поворота дороги, – и следишь за каждым движением самолетов. Куда сброшены бомбы, считаешь, сколько взорвалось и сколько не взорвалось, а потом мчишься к месту со специальными щитками. Щитки эти мы делали из фанеры или бамбуковой дранки, обмазывали известкой, это чтобы ночью все – и шоферы и прохожие – видели, где находится бомба, за которой пока не пришли саперы. Но часто бывало, что наши девчата, не

дожидаясь саперов, выходили ремонтировать дорогу. Работали, что называется, «на бомбах». Было и такое: едва поставишь щитки, а тут новый налет.

Ла Тхи Там улыбнулась. Порыв ветра сбил на лоб прядь. Девушка поправила волосы.

– Да, вот еще вспомнила, – сказала она весело. – Про заколки вспомнила. Два года обходилась без них... Когда идешь к бомбам, не должно быть с собой ничего железного. Самое страшное – магнитные бомбы! К ним идешь со страхом. Кто не знает, в любую секунду может взорваться. Я до сих пор слышу, как они рвутся. В снах.

Война... Она оставляет не только воронки в земле и раны на человеческом теле. Она оставляет после себя не только памятники со словами: «Родина помнит ваш подвиг». Война еще долго напоминает о себе, прячась в уголках памяти, тревожа человеческое сердце. Этой девушке, которая за два года обнаружила 703 бомбы, много пришлось пережить. Нет, нелегко забыть такое и вычеркнуть из памяти...

БУДНИ «МОРСКОЙ КРЕПОСТИ»

Хайфонские странички

На земле мало городов с такой удивительно сложной судьбой. Многое испытал Хайфон на своем веку. Чужеземцы не раз пытались задуть и подчинить его. Одна война сменяла другую, борьба за Хайфон оставила яркий след в истории Вьетнама. Здесь родился вьетнамский пролетариат. Здесь действовало партийное подполье. Здесь на цементном заводе возник один из первых кружков вьетнамских комсомольцев. Город жил в борьбе. И он победил.

Пришло время, когда Хайфонский порт стал открыт только для друзей. Всего десять недолгих лет мирной жизни, мирного труда. Многое сделал за эти годы крупнейший портовый город демократического Вьетнама...

В Хайфоне мне довелось бывать несколько раз. Впервые я познакомился с ним в 1961 году. Оживленные улицы. Дымящиеся трубы заводов. Веселый смех ребят, идущих в школы. Зеленые скверы. Гомон базаров. Запах свежей рыбы, бананов, корицы, бензина. Громады морских теплоходов в порту. По вечерам в каналах и проливах, разделяющих городские кварталы на острова, отражаются огни набережных и мостов.

Совсем недавно, перебирая старые записи, я обнаружил два листка с пометкой: «Хайфон 1961–62 гг.». Пусть они и

станут первыми двумя страничками моего рассказе об этом удивительном и прекрасном городе...

Страничка первая

БАТЬДАНГ

Хайфон. В переводе с вьетнамского – «Морская крепость». Раньше так называлась одна из речушек, которых в этом краю видимо-невидимо. В старину на крутых берегах строились укрепленные посты, сторожевые вышки. Беда часто приходила с моря. И каждый раз враг встречал здесь решительный отпор.

О героическом прошлом этой старинной крепости рассказывают экспонаты городского музея. В одном из его залов можно увидеть несколько заостренных бревен «железного» дерева. В старину их вколачивали в речное дно для встречи непрошенных гостей с моря. Впервые такие «подводные рифы» против вражеской флотилии вьетнамцы применили в 981 году на реке Батьданг.

С какой гордостью говорят хайфонцы об этой реке! Часто вспоминают историческое сражение под командованием Чан Куок Туана...

Шел 1288 год. На вьетнамскую землю нагрянул могущественный враг. Много горя принес он тогда...

К этому бою готовились заранее. Место выбрали на одном из рукавов Батьданга. Несколько тысяч бревен «железного» дерева образовали подводный частокол.

Маневр удался блестяще. Лодки, уходя от погони, быстро скользили вниз по течению. Уровень воды падал на глазах. В час отлива море, как всегда, жадно пило воду из реки. Вот вьетнамские лодки проскакивают опасный участок. Одна, две, три минуты... Наконец показываются вражеские суда. Тяжелые и неповоротливые, они с ходу садятся днищами на колья. Не давая врагу опомниться, одна за другой выскакивают из засады вьетнамские лодки. Ловко лавируя между кольями, они берут противника на абордаж. Так закончилась эта знаменитая битва на реке Батьданг, в которой ярко проявились смелость и находчивость вьетнамцев.

Страничка вторая

«Я ДАЮ ТЕБЕ СЕГОДНЯШНИЙ РАССВЕТ...»

Однажды нас пригласили на молодежный вечер в рабочий клуб. Ребята пели песни, читали стихи, танцевали. Сейчас я только смутно помню лицо и голос того парня, который прочитал несколько лирических стихов. В перерыве я подошел к нему и попросил понравившийся мне стих. Имя парня, к сожалению, не записал.

А вечером я уехал на море в Дошон и взялся за перевод...

Я дарю тебе сегодняшний рассвет.
Горизонта трепетный узор,

Нежных лотосов солнечный цвет
И молчанье далеких гор.

Я дарю и будущие зори,
Уходящие вдаль паруса...
Глубину морского простора
И поющих ветров голоса...

Мне дороги эти воспоминания, воспоминания о мирном
Вьетнаме...

...Следующая встреча с Хайфоном произошла через
несколько лет. Шла война. Портовый город был весь
изранен бомбами.

По данным Хайфонского комитета по расследованию
военных преступлений США, на город с начала войны было
совершено более 550 налётов американской авиации (дан-
ные на 30 сентября 1967 г.). За это время на город сброшено
около 7 тысяч авиационных бомб, 418 контейнеров с
шариковыми бомбами. Американские летчики выпустили
по Хайфону более 4 тысяч ракет...

Страничка третья

НЕОКОНЧЕННОЕ СОЧИНЕНИЕ

*«Жизнь и смерть встречаются теперь на каждом
шагу, каждый час»...*

Школьная тетрадка девочки по имени Оань хранится
в госпитале. Здесь же, в застекленной рамке, пионерский

галстук, пробитый в нескольких местах. Спасти девочку не удалось.

Когда над городом появились американские самолеты, Оань бросилась в ближайшее бомбоубежище. Оставалось несколько метров. Оань не видела, как из контейнера, сброшенного с самолета, на землю посыпался град шариковых бомб. Одна из них взорвалась совсем рядом. Стальные шарики изрешетили хрупкое тело Оань. В портфеле нашли тоненькую ученическую тетрадку. «Жизнь и смерть встречаются теперь на каждом шагу, каждый час...» – так начиналось сочинение 13-летней девочки. Оань писала в нём о любимой подруге Хай, с которой раньше сидела на одной парте... Она так ясно представляла себе живую Хай, но ведь её больше нет. Американская ракета попала прямо в дом, где жила подруга.

«Жизнь и смерть встречаются теперь на каждом шагу, каждый час»...

«Ты помнишь, Хай, как мы по утрам встречались с тобой под сосной и бежали в нашу школу? Помнишь, ты говорила: «Смотри! Какое чистое небо и какое приветливое солнце сегодня!» Ветер шелестел в листве. Ты улыбалась, и в этой улыбке на твоём красивом лице было столько радости... Мне было хорошо с тобой, Хай...»

Трудно читать эти строчки.

«В последнее время налеты участились. Они бомбят всё без разбора... Школа наша, теперь эвакуирована в более надежное место... У многих из наших друзей в семье пришло горе...

На прошлой неделе мы побывали на зенитной батарее. Принесли бойцам воду, фрукты и зеленые ветки для маскировки. Если б ты знала, какие это замечательные люди... На следующий день несколько наших ребят побывали в госпитале. Принесли зенитчикам бананы, а Мань притащил крабов. Говорит, сам наловил... Договорились с врачами, что на праздник устроим для раненых концерт... Ты ведь раньше любила петь, правда, Хай?.. А я выучу стихотворение о нашем Хайфоне... В нем говорится о том, как жизнь побеждает смерть... Там есть такие слова...»

На этом сочинение обрывается. Оань разговаривала в нем с погибшей подругой, как с живой. Трудно в 13 лет свыкнуться с жестокостью и несправедливостью смерти...

Во дворе исторического музея собраны для показа различные бомбы и ракеты. Здесь же валяются обломки американских самолетов, сбитых защитниками «морской крепости».

150-Й

Во двор музея въехал «газик». Молодые ребята вытащили из машины несколько искореженных кусков металла. Это был подарок ракетной батареи городскому музею – обломки 150-го американского самолета, уничтоженного в небе Хайфона. Офицер Чан Минь Тик рассказал об этом бое.

Утром 3 октября 1967 года на батарее была объявлена готовность номер один. На часах – 9.20. И на этот раз враг появился со стороны моря. Куда он метит? На больницу, на жилой район, на шоссе или порт, где стоят иностранные суда?..

На экране локатора – цель. Американские самолеты все ближе. «Пуск!». Ракета, выбросив хвост огня, уносится ввысь. В синем небе остается белый след. Одна, две, три секунды. Из разных точек бьют зенитки, пулеметы... Ракета сближается с целью. Самолет пытается маневрировать. Вспыхивает маленькое солнце, и эхо взрыва, отражаясь в воде, уносится вниз по Батьдангу в сторону моря. Обломки вражеского самолета летят в воду. Так было уже не раз...

Ложатся эти обломки на речное дно, где под толстым слоем ила и песка покоятся останки вражеских судов, потопленных на Батьданге много веков назад. «Морская крепость» стоит. Теперь она более неприступная, чем прежде...

Американская военщина упорно пыталась отрезать Хайфон от остальной части страны. Но план блокады Хайфона потерпел крах. Грузы, ежедневно прибывающие в порт, несмотря ни на что, продолжают идти по дорогам Вьетнама.

Страничка пятая

СОЛИДАРНОСТЬ

Надежна и прочна, как морской узел, связь между советским и вьетнамским берегами. Ежедневно в хайфонском порту находится несколько теплоходов, танкеров Дальневосточного и Черноморского пароходств. Не раз я встречал здесь советских моряков.

Помню осень 1967 года. Американская авиация в течение пятидесяти суток непрерывно атаковала Хайфон. В один из этих дней я побывал на борту теплохода «Бакуриани».

В каюте тесным-тесно. Кроме советских журналистов, прибывших из Ханоя, здесь руководители порта и члены экипажа. Капитан Василий Цевшук подробно рассказывает о переходе, о морских штормах, о провокациях американских кораблей и самолетов. Голос Цевшука при этом спокоен: на флоте он с сорок первого...

Помню, как в мае 1968 года в порту впервые за последние годы звучали песни детей. В тот день встречали теплоход «Монгукай». В его трюмах были подарки от

советских пионеров и школьников. На митинге капитан Михаил Сидоров доложил о благополучном завершении трудного рейса. Митинг проходил прямо на юте. Мимо шли баржи, катера, сампаны, и грузчики, матросы, рыбаки приветливо махали руками советскому теплоходу. Над нами медленно плыли облака. Вдали тихо застыли синие горы. Неужели, подумал я тогда, здесь вновь будут рваться бомбы и дым пожаров скроет от хайфонских детей солнце?..

И вот недавно я снова посетил Хайфон.

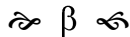
Торжественно встретил город вьетнамского пролетариата 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Задымили трубы нескольких восстановленных предприятий. Улицы города в ярком наряде. В сердце Хайфона – в порту в день ленинского юбилея рядом с теплоходами «Комсомольская слава» и «Березники» у причала встал «Поронайск», названный «кораблем образования»: он привез детям Вьетнама большую партию учебного оборудования. Груз этот – школьные принадлежности, учебные лаборатории – советская молодежь послала в страну, где американские бомбардировщики и корабли разрушили более 1500 школ и других учебных заведений.

...Таким и остался у меня в памяти Хайфон. Город мужественных людей и героических традиций. Громады морских теплоходов в порту. Чайки над кромкой воды. И напряженный взгляд дежурных на экраны локаторов.

17.07.1970 г.

Искренне благодарен маме, сестре, которые в своих письмах поддерживали меня. Люда с Димой приехали ко мне, когда бомбардировки Ханоя были временно приостановлены. И скоро мы все встретились на родной земле.

В 1971 году срок моей командировки в ДРВ истёк. В дальнейшем работал в Центральном аппарате ТАСС, в Отделе ЦК КПСС, был политическим обозревателем ИТАР-ТАСС. Бывал в разных странах, писал комментарии, статьи, очерки об обстановке в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

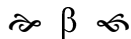
Часто посещал любимый Вьетнам и в своих публикациях рассказывал и рассказываю об исторической победе Вьетнама, о жизнеутверждающих процессах восстановления и обновления этой страны. Мир во Вьетнаме был завоеван нелегкой ценой. Война, развязанная США, завершилась в 1975 году полным освобождением Южного Вьетнама. В следующем году произошло государственное объединение страны, которая по воле народа стала называться Социалистическая Республика Вьетнам.

Столица Ханой – это действительно город «Взлетающего дракона». На юге страны заканчивает свой бег крупнейшая в Юго-Восточной Азии река Меконг (Девять драконов), которая одаривает трудолюбивый народ

своим разнообразным богатством. На континентальном шельфе действует крупнейшее российско-вьетнамское предприятие «ВьетСовпетро» по добыче нефти. Одно из месторождений получило название «Дракон».

Американская военщина сполна познала силу вьетнамского «дракона». Она потерпела позорное поражение, но никак не может угомониться. Разрабатываются и осуществляются планы расширения НАТО. Агрессивное кольцо вокруг России сужается.

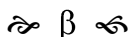
В армии я не служил. Но с военным делом знаком. Наш интернат в чём-то сравнивали с Суворовским училищем. В институте была военная кафедра. В годы войны во Вьетнаме приобрел новые знания. В период работы в аппарате ЦК КПСС меня обучали на Высших стрелковых курсах в Подмоскowie: теоретические и практические занятия.

Успешно стрелял из различных видов оружия, умею водить танки. Позже мне присвоили звание подполковник запаса.

На этих курсах мы издавали стенную газету. Каждую неделю писал заметки на военно-патриотическую тему. Особенно заполнилась поездка в район Дубосеково на место боевой славы 28 панфиловцев, оборонявших в 1941 году столицу. «Отступить дальше некуда, позади

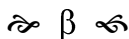
Москва!» – этот призыв политрука Клочкова будто бы звенит в ушах. В память врезались выросшие после войны стройные березы с пионерскими галстуками на ветвях, как пятна крови погибших. В той войне погибли мой отец, несколько ближайших родственников. Многие миллионы советских людей отдали свои жизни во имя Родины.

А в 2007 году многие холёные депутаты Госдумы России проголосовали за осквернение Знамени Победы – за удаление с Красного полотнища изображений Серпа и Молота. Что же будет дальше?!

В кинофильмах о Великой Отечественной войне есть кадры, когда кинжальные лучи прожекторов режут ночное небо в поисках вражеских самолётов. Давным-давно я видел такое в Киеве.

А годы летят...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Родным, близким и Вьетнаму посвящается.....	3
2. Дайте мне коня и меч!.....	31
3. Песня мужества и крик отчаяния.....	37
4. Встречи в героическом Хатине.....	41
5. Дочь рыбака.....	48
6. Дорога жизни.....	54
7. Будни «Морской крепости» (<i>Хайфонские странички</i>).....	58
7.1. Батьданг.....	59
7.2. «Я дарю тебе сегодняшний рассвет...».....	60
7.3. Неоконченное сочинение.....	61
7.4. 150-й.....	64
7.5. Солидарность.....	65